

5 МАР 1988

ПРАВДА
г. Москва

та 1988 года ● № 65 (25417) ● 3

Кто поставит «Маддалену»?

О судьбе творческого наследия
С. Прокофьева

Из прошлого, из далека, из тяжко выдвигающихся ящikov, из печного пепла продолжают возвращаться в жизнь отечественной культуры ее создания. Одно из них — опера Сергея Сергеевича Прокофьева «Маддалена». Пластинка с записью произведения недавно появилась в магазинах.

Это сочинение, две редакции которого сделаны в 1911 и 1913 годах, долгие десятилетия окружала тайна: музыканты знали о нем лишь по упоминаниям в переписке да по нескольким строкам из «Автобиографии». Прокофьев писал: «...В «Маддалене», действие которой происходит в Венеции в XV веке, оказалось наличие конфликта, любви, измены, убийства — и это ставило перед композитором новые задачи...» Опера стала первым шедевром музыканта.

Леденящий кровь сюжет с вероломной злодейкой и двумя трупами мелодраматичен и подражателен. Но драма М. Ливен — писательницы, сочинявшей стихи и эффектные пьесы, — выстроена с изрядным знанием законов сцены. Жгучая фабула развивается стремительно, нарастание к кульминации мощно и грозно, а развязка ошеломляет полной неожиданностью.

Прикоснувшись к этому сюжету, гений Прокофьева оживил его чудесной музыкой, выстроил композицию, которая поражает совершенством художественного расчета.

Давняя тема трагической несовместимости иллюзий и правды воплощена в характеристике коварной, двуликой Маддалены. Ее образ то устремлен к высам божественной красоты, то вовлекает в круговорот злых наваждений.

Лирическая стихия «Маддалены» приобщает произведение к тому вершинному и самому любимому слою оперной литературы, в котором живут создания Верди, Вагнера, Чайковского, Пуччини. Любовный дуэт героини и художника Дженао с его свободно дышащей мелодикой — один из лучших в русской опере. Он развивается от тонких оттенков нежной лирики, иногда чуть шутилкой, до вершин экзотических и восторженных.

Во второй половине оперы во время рассказа алхимика Стеньо о неизвестной злой красавице и в сценах катастрофы — лирическое превращается в трагическое, любовь и нежность перерастают в фатальную, грозную силу. Звучания наступательные, агрессивные, призраки надвигающегося безумия — этими образами творимого над человеком зла Прокофьев предвосхитил самые драматичные страницы искусства нашей эпохи.

«Маддалена» написана 22-летним композитором в канун первой мировой войны. Он надеялся поставить ее в оперном классе Петербургской консерватории, где тогда учился. Но ни эти планы, ни назначенная на сезон 1913—1914 гг. премьера в Свободном театре К. Марджанова, ни попытки следующих лет ни к чему не привели. В середине 30-х годов — после долгих странствий и окончательного возвращения в СССР — композитор расстался с оперой навсегда. «Маддалена» оставалась в Париже, в архиве Российского музыкального издательства, которое позже перешло в собственность английской фирмы «Бузи и Хокс».

Английский дирижер Эдвард Даунс пишет, что в конце 70-х годов Лина Ивановна Прокофьева (она и сейчас живет в Лондоне) предложила ему дирижировать оперу (из четырех сцен Прокофьев оркестровал только одну). Даунс сделал это, и в марте 1979 года произведение впервые прозвучало в программах Би-би-си — по-русски, а затем в английском переводе. В сезон 1981—1982 годов оперу поставил театр г. Граца (Австрия), затем она прозвучала в Сент-Луисе (США).

Первую в мире пластинку «Маддалены» записал давний и преданный энтузиаст прокофьевского искусства Г. Н. Рождественский. Она вышла в свет в самом конце 1987 г., а в минувшем январе «Маддалена» показала Национальная опера Хельсинки.

Казалось бы, отечественная театральная премьера «Маддалены» приближается. Но... Взгляни, читатель, на театральную афишу Москвы! Чья недобрая воля смогла изгнать из столицы почти все поставленные здесь когда-то оперы Прокофьева? Сгинул возобновленный недавно в ГАБТе «Семен Котко», пропала веселая «Дуэнья» и не кружит больше самые рассудительные головы отчаянная рулетка в «Игроке». Нет в Москве гениального «Огненного ангела», нет «Войны и мира», нет «Повести о настоящем человеке»... Только «Любовь к трем апельсинам» время от времени играют в театре Станиславского и Немировича-Данченко, да хореографы, с которыми Прокофьеву и при жизни везло больше, продолжают ставить балеты композитора. Впрочем, и здесь немало удивительного. Некоторые балеты — «Шут», «Стальной скок», «Блудный сын», известные как классика двадцатого века, с успехом исполненные еще антрепризой требовательного Дягилева, — совершенно неизвестны театральному зрителю. Зато появляются все новые сценические версии уже многократно поставленных произведений, а также те балетные спектакли, которые Прокофьев в качестве хореографических сочинений и не писал вовсе.

Так как же продлится неисповедимый путь «Маддалены»? Услышит ли, увидит ли на сцене советский зритель одну из лучших опер двадцатого века? Или театры в очередной раз отмахнутся от красоты и мощи прокофьевской музыки? Композитору не привыкать. Огромный успех и любовь слушателей, никогда с ними не заигрывая, он узнал при жизни. Он же учился переносить несправедливость смолodu и до конца своих дней. Оперы и балеты не ставились, а уже поставленные снимались. Поступали советы избавиться от модернизма и искоренить формализм, снять искажающие бемоли и очерняющие дизезы, а употребление диссонансов непременно и всякий раз «художественно оправдывать». Когда 35 лет назад, 5 марта 1953 года, С. Прокофьева не стало, далеко не все осознали масштабы этой потери для советского и мирового искусства.

А сегодня? «Статистика неоднократно подтверждала, что Прокофьев является одним из самых репертуарных авторов XX в.». Четвертый том «Музыкальной энциклопедии», где помещена эта информация, вышел в свет в 1978 году. Почему же десять лет спустя, в 1988-м, театры так равнодушно забывают Прокофьева?

Изменчивой истории принадлежит каждый гений и каждый шедевр. Суждение о них — и о себе — произносит время, которое их родило, и время, которое их отбросило, время, которое обнаружило в них новые смысловые глубины, и время, которое лишь стремилось прикраситься их блеском. Какое же суждение определит себе наше время? Какой окажется его роль в сохранении, интерпретации, толковании советской оперной классики? И кто поставит «Маддалену»?

Н. САВКИНА.